

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ ОСТАЕТСЯ «ПОЛЕМ БИТВЫ ЗА ПРОШЛОЕ», ПОТОМУ ЧТО «ВОЙНЫ ПАМЯТИ» НЕ УТИХАЮТ

HISTORY CLASSROOM – STILL «A FIELD OF BATTLE FOR THE PAST», AS «MEMORY WARS» RAGE ON

Стрелова О.Ю.

Профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск), доктор педагогических наук

E-mail: boss@khspu.ru

Аннотация. Статья продолжает начатый в журнале разговор о связях современного политического процесса с содержанием школьных курсов истории [3]. «Войны памяти» как инструменты исторической политики конкретизированы на примерах «войн памятников», «войн музеев памяти» и «войн учебников истории», характерных для разных стран мира, не исключая Россию, в XX – начале XXI века. Особое внимание автор статьи обращает на современные войны учебников истории и опыт стран-соседей сообща «перечитывать свое прошлое». Обобщая современные тенденции развития «войн памяти», автор формулирует их вызовы историческому образованию школьников и возможные ответные стратегии со стороны разработчиков учебно-методических комплексов по истории России и зарубежных стран.

Ключевые слова: войны памяти, войны памятников, войны музеев памяти, войны

Strelova O.Yu.

Professor of the Far Eastern State Humanities University of Khabarovsk, Doctor of Sciences (Education)

E-mail: boss@khspu.ru

Annotation. This article continues the discussion of the connections between the modern political process and the contents of the school history curriculum [3]. «Memory wars», as instruments of historical politics, are actualized through «monument wars», «memorial museum wars», «history textbook wars», which have been observed during the late 20th/early 21st centuries in countries all over the world, including Russia. Special attention is paid to modern «history textbook wars» and the experience of the neighboring states in their collective re-evaluation of their past. Generalizing modern tendencies leading to «memory wars», the author formulates the challenges they pose to school history education and the probable reciprocal strategies from those responsible for developing Russian and foreign history textbooks.

Key words: memory wars, monument wars, memorial museum wars, history textbook wars,

учебников истории, историческая политика, политика памяти, места памяти, историческое образование школьников.

historical politics, memory politics, memorial places, school history education.

Факторами кардинального обновления содержания учебного предмета «История» являются не только прямые политические решения, которыми изобилует советский период, но и общественно-политические процессы, протекающие латентно и скрытно. Один из них – историческая политика государств, не только заметно активизировавшаяся в последние десятилетия, но и вышедшая из «тени», ставшая объектом изучения политологов, но в меньшей степени – педагогов и дидактов-историков.

Впервые на страницах журнала «Проблемы современного образования» вопрос о связи исторической политики с содержанием школьных курсов отечественной истории поднял профессор Е.Е. Вяземский [3]. Явления, о которых пойдет речь в нашей статье, тоже относятся к инструментам современной исторической политики и к одному из ее ведущих направлений – политике памяти.

Напомним суть относительно новых понятий в сфере гуманитарного образования.

Историческая политика – это качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно, вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для достижения определенных целей в деле «нациестроительства», а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях.

Политика памяти – одно из ведущих направлений исторической политики, направленное на формирование коллективной национальной памяти о прошлом, отвечающей интересам настоящего.

Войны памяти – инструменты исторической политики, в частности, политики памяти, выражающиеся в деконструкции существующих в обществе «мест памяти» и замене их новыми, переоценивающими и актуализирующими прошлое в интересах настоящего. При этом под «местом памяти» понимается не географическая точка и мемориальное сооружение в честь какого-либо события, а весь комплекс гео-культурно-исторических механизмов формирования и поддержания в обществе памяти о ком- и о чем-либо.

В рамках статьи остановимся на характеристике и примерах трех видов войн памяти, разворачивающихся на просторах современного мира: войны памятников, войны музеев памяти и войны учебников истории. Они оказывают определенное влияние на проблематику и направления научно-исторических исследований, о чем свидетельствует достаточно представительный перечень трудов, изданных в России в 2000-е гг. и посвященных проблемам формирования исторической памяти, национальной идентичности и политики памяти (Г. Бордюгов, А. Миллер, Л.П. Репина и др.). Целью нашего исследования стало осмысление научно-педагогических подходов к моделированию исторического образования российской молодежи в связи с войнами памяти в XX – начале XXI века.

Войны памятников – это одно из средств реализации политики памяти и политики идентичности, а еще шире – исторической политики, с помощью которой власти пересматривают интерпретации и оценки прошлого в интересах своего настоящего. Для этого одни монументы и мемориалы уничтожаются как носители «чужой памяти», чуждых идеалов и ценностей, другие возводятся как символы торжества новых идей и героев.

В социально-политическом аспекте *памятники* – это «объекты, соединяющие наблюдателя в настоящем с прошлым опытом социальной группы, к которой этот наблюдатель принадлежит. С большей или меньшей степенью успешности памятник *направляет* воспоминания коллектива в нужное русло – *указывает*, о чем или о ком и как следует помнить. Памятник изначально рассчитан на то, чтобы быть замеченным и запомненным, а потому это весьма удобная форма для хранения и передачи информации о прошлом, а главное – *для формирования коллективной памяти и идентичности*» [6, с. 170–171] (курсив мой – О. С.).

Войны памятников – яркие свидетельства интолерантного и неуважительного отношения государства, общества, конкретных людей к истории и культуре своей страны и других народов, а также эффективное средство «перевоспитания» и мобилизации масс на борьбу за чьи-то политические интересы.

В многовековой истории человечества, переполненной «обычными» войнами, есть множество примеров войн памятников. Только они, как правило, остаются для большинства людей неизвестными и незначительными, «боями местного значения», ротацией бронзовых, мраморных или гипсовых «истуканов» с одного места на другое.

Ярким исключением стали XX век и начало XXI столетия, когда войны памятников приобрели более масштабный характер. А с помощью современных способов хранения и распространения информации (фотография, газеты, радио, кинохроника, телевидение, Интернет) факты уничтожения «чужих» памятников быстро становятся достоянием широкой общественности. Возможно, когда-нибудь эта грань нашей жизни будет достойно представлена на страницах школьных учебников истории, о чем мы порассуждаем в заключительной части статьи.

Классическим примером войны памятников в новейшее время стали первые годы Советской власти. 14 апреля 1918 г., после недолгого обсуждения и согласования, СНК опубликовал декрет «О памятниках республики» [<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm>], подписанный Лениным, Луначарским и Сталиным. Совет Народных Комиссаров объявлял войну «памятникам, воздвигнутым в честь царей и их слуг», которые не представляли интереса «ни с исторической, ни с художественной стороны», и, следовательно, подлежали «снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». Определять, какие памятники должны были исчезнуть с улиц и площадей советских городов, было поручено «особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики». СНК желал, чтобы уже через полмесяца, а именно 1 мая 1918 года, были «сняты некоторые *наиболее уродливые истуканы* и поставлены первые модели новых памятников» (курсив мой – О. С.). Подобную работу предписывалось проводить не только в Москве и Петрограде, но и во всех других областях и губерниях Советской России по согласованию с вышеуказанной комиссией.

Судьба памятника Александру III (демонтированного в 1937 г. и спрятанного в западни Русского музея) оказалась «золотой серединой» между участью монументов, уничтоженных «до основанья» (например, православный памятный крест, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича в Кремле), и участью памятников, передвинутых на новые места (в частности, памятник Минину и Пожарскому был перенесен из центра Красной площади к собору Василия Блаженного). «Повезло» Романовскому обелиску, который был воздвигнут в Александровском саду к 300-летию Дома Романовых, а к первой годовщине Октября переделан: на очищенном от царских портретов обелиске, по составленному В.И. Лениным списку, были выгравированы имена «социалистов с древнейших времен»: от Томаса Мора и Кампанеллы до К. Либкнехта и Г.В. Плеханова.

Созидательной стороной Декрета «О памятниках республики» должно было стать возведение в кратчайшие сроки памятников «великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусств». Они должны были быть поставлены на бульварах и в скверах, во всех районах г. Москвы «с высеченными выписками или изречениями на постаментах», чтобы «памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели бы свежие слова, будирующие умы и сознание мысли» (курсив мой – О. С.).

В ритуалах революционной войны с «чуждыми» памятниками обращает на себя внимание стремление ее зачинщиков «перекодировать» прежние места памяти, придать им диаметрально противоположные значения и смыслы. Например, 1 мая 1919 г. на Красной площади, на Лобном месте, состоялось открытие памятника Степану Разину. «И все это, – вспоминал впоследствии автор памятника, скульптор Сергей Коненков, – происходило там, где два с половиной века назад на черной плахе, установленной против Лобного места, стрельцы четвертовали народного героя» [12, с. 277–278]. «Это Лобное место, – говорил Ленин, выступая на открытии памятника, – напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей... Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу... Много труда, много жертв надо будет положить за такую свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма» (цит. по [16, с. 68–69]).

В советские годы война памятников приобрела затяжной, латентный характер и перестала восприниматься обществом как выходящее из ряда вон событие. Саботаж ленинского плана монументальной пропаганды выражался в насмешливых и уничижительных прозвищах, которые население придумывало для уж совсем несуразных памятников Республики. Только самые внимательные граждане замечали несоответствие между массивными постаментами и гипсовыми фигурами вождей революции на них, но экскурсоводы старались уйти от «неудобных вопросов».

На этом фоне второй сюжет из войны памятников уникален из-за особой истории острова Сахалин в XX столетии. Напомним, что по условиям Портсмутского мирного договора (1905 г.) Южный Сахалин стал частью страны-победительницы. Для жителей центральной Японии губернаторство Карафута, так отныне именовалась завоеванная часть острова, являлось зловещим Севером. Тем не менее, на новых землях началась активная хозяйственная деятельность, а одновременно с ней – сооружение парков, храмов и памят-

ников. В камне и металле увековечивалась память о людях и событиях 1920–1930-х гг. Жители Карафуто верили, что монументы простоят не одно столетие...

В августе 1945 г., на завершающем этапе Второй мировой войны, советские войска заняли Южный Сахалин. 2 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории бывшего японского губернаторства была образована Южно-Сахалинская область, а административный центр из Тохара переименован в Южно-Сахалинск. Местное население в массовом порядке стало вывозиться в Японию. Ему на смену прибывали советские граждане.

Переселенцы размещались в непривычных для них домах – с раздвижными дверями, прикрепленными к наружным лестницам печными трубами. В городе, особенно в парковой зоне, находилось немало каменных плит с рельефами или надписями. Сооружения с таинственными иероглифами были экзотикой, и новоселы нередко фотографировались на их фоне...

В июле 1949 г. облисполком создал комиссию по уничтожению японских монументов. Война памятников растянулась на долгие годы. Только в начале 1980-х гг. на заседании областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры краевед А. Рыжков заявил: «Пора нам уже разобраться с японскими памятниками и взять их на учет. Мы – передовая страна и не можем их уничтожать, не разобравшись, кому они установлены. Если памятник сооружен рабочим, погибшим в шахте, надо его сохранить, а если генералу-самураю – снести» (цит. по [21, с. 13]).

Но к этому времени в Южно-Сахалинске без разбора были снесены все свидетельства японской памяти. От многих не осталось и следа, а кое-где сохранились постаменты. Разрушить их не позволили крепость бетона и качество работы японских строителей. В частности, только в 2000-е годы краеведы опознали постаменты памятников пожарным и полицейским, руины памятного знака «Аллея Накагавы», установленного в честь Накагава Кодзюро, который в должности заместителя губернатора много сделал для развития горнодобывающей отрасли и лесного хозяйства, строительства дорог и даже содействовал организации православного прихода на Карафуто.

Пострадали и многие другие памятники... В 1911 г. на склоне горы на восточной окраине Тохары японцы построили главный синтоистский храм губернаторства. Череда побед в войнах конца XIX – начала XX вв. зародила традицию размещать возле национальных святилищ армейские трофеи. По распоряжению военного министра главному храму Южного Сахалина были переданы 230-миллиметровое орудие, принимавшее участие в обороне Порт-Артура, и дымовая труба крейсера «Новик». Рядом с трофеями японцы возвели монумент, посвященный победе, – железную колонну почти семиметровой высоты. Надпись на ней гласила: «В память о боях 1904–1905 годов». Оружие на постаментах вызвало гордость за своих солдат, но и уважение к противнику. О героизме русских моряков безмолвно свидетельствовала труба «Новика», изрешеченная осколками, а в нескольких местах буквально развороченная снарядами.

В начале 1950-х гг. процесс разрушения «чужой памяти» добрался до японского памятника-колонны. Ее сорвали с каменного возвышения и с удивлением обнаружили, что это ... русский артиллерийский ствол. Орудие, судя по надписи на казенной части

ствола, было изготовлено в 1901 г. на Обуховском сталелитейном заводе Санкт-Петербурга. По согласованию с Москвой пушка и монумент-орудие были установлены на территории областного краеведческого музея, а дымовая труба «Новика»...сдана на металлолом.

На что похожа история Сахалина без японских монументов и памятников? На книгу с небрежно вырванными из ее сердцевины страницами. Осколками «чужой памяти» торчат из-под городского асфальта постаменты, искореженные взрывами, но до конца все-таки не уничтоженные, обрывки чужих слов-посвящений хранят мемориальные плиты, залитые бетоном, треснувшие от перепадов погоды, заросшие травой и кустарником... Усилия современных жителей Сахалина разгадать эти тайны приводят к открытию в национальном характере соседей таких качеств, как бережное отношение японцев к памяти о людях, «больших» и «маленьких», толерантность к «другой» культуре, положительная комплиментарность (подсознательная симпатия, расположение к «иному»). А что при этом жители Сахалина открывают в себе, в национальном отношении к прошлому?..

Новым явлением российского общества в XXI в. стали *признаки формирования иного, неагрессивного отношения к «чужим» памятникам*. В частности, администрация Сахалинской области подняла вопрос о восстановлении, реставрации и охране памятников культурного наследия японского периода на территории Сахалина. «Время японской оккупации южного Сахалина – такой же период истории Сахалинской области, как и дореволюционный, и послевоенный», – заявляют чиновники. В их политике огорчает только стремление привлечь таким способом на Сахалин и Курилы побольше японских туристов, использовать историко-мемориальный ресурс для развития экономики дальневосточных островов [22, <http://www.sakhalin.info/news/29677/>].

В войнах памяти в последние годы все более активную роль играют *войны музеев памяти*, поскольку музеи так же, как памятники и учебники истории, стали проектами *ре-презентации* прошлого в государствах, вступивших 1990-е гг. в новый этап своего развития.

«Уникальность и противоречивость *музея* состоит в том, что, действуя в настоящем, он одновременно обращен и в прошлое, и в будущее. В прошлое – поскольку хранит его культурное наследие, в будущее – потому что ведет ценностный отбор экспонатов и тем самым формирует культурную среду для новых поколений. Большинство музейных предметов изначально не создавалось для передачи информации, сохранения памяти и публичной демонстрации. Поэтому выявление предметов музейного значения, создание самих музеев, раскрытие информационного потенциала музейных предметов и коллекций – сложный и творческий процесс» [20, http://www.rusarchives.ru/debate/d2_2.shtml], который к тому же легко политизировать.

Завершение формирования государственности в странах СНГ и Балтии потребовало новых проектов по изучению и репрезентации истории. При этом ведущая роль в создании национальных историй перешла к политической элите, заинтересованной в определенной интерпретации прошлого. Стремление новых элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, выпячивание то одних, то других исторических эпизодов в зависимости от характера внешнеполитических ориентиров превратили историю в инструмент политики и привели к появлению нового вида музеев.

Музеи исторической памяти – это специальные музеи, которые создаются под патронатом определенных политических сил с целью переосмысления итогов советского прошлого, Второй мировой войны, коммунистического режима в странах Центральной и Восточной Европы. В 1990–2000-е гг. музеи с похожими названиями и общими для них концепциями появились во многих государствах, образовавшихся после распада Советского Союза.

Обратим внимание, что по законам войны памяти многие музеи принципиально открываются в зданиях, прежде хранивших и транслировавших в общество *иную* память:

– в здании, где сейчас разместился «Музей оккупации Латвии», раньше находился Мемориальный музей-памятник Латышским красным стрелкам;

– «Музей оккупации Эстонии» открыт в центре города, примерно в ста метрах от памятника советским войнам, освобождавшим Таллинн от фашистских захватчиков в 1944 г.;

– «Музей жертв геноцида» разместился в том же здании, «в котором советские репрессивные структуры – НКВД и НКГБ – МГБ – КГБ – со второй половины 1940 г. вплоть до августа 1991 г. составляли планы ссылок и арестов жителей Литвы, преследования инакомыслящих, подавления стремления народа к восстановлению своей независимости. Для литовского народа, – говорится в рекламном проспекте музея [<http://www.genocid.lt/muziejus/ru/> – сайт «Музея геноцида»], – это здание является символом пятидесятилетней советской оккупации Литвы. Поэтому чрезвычайно важен тот факт, что именно здесь находится музей, который сегодняшнему поколению должен напоминать, а грядущему поколению рассказывать о тяжелых и трагических для народа 1940–1990-х годах».

Еще одним средством усиления духовно-патриотической миссии музеев памяти стали даты их открытия. Обычно это событие приурочивается к значимым для самоидентификации молодых государств дням и юбилеям. Например, «Музей советской оккупации» был открыт в Тбилиси в День независимости Грузии, 26 мая (2006 г.).

На европейских просторах бывшего «социалистического лагеря» выделим Дом террора в столице Венгрии (венг.: *Terror Háza*). Это – наиболее яркий пример воплощения концепции музея исторической памяти и противоречивого отношения к ней со стороны историков, политиков и общественности [5].

«Дом Террора» открылся на проспекте Андраши в Будапеште в 2002 г. Но свое название музей получил задолго до этого. В его здании, построенном еще в 1880 г. по проекту архитектора Адольфа Фести, была штаб-квартира венгерской нацистской партии «Скрещенные стрелы» (*Nyilaskeresztes Párt*), а после Второй мировой войны – венгерская госбезопасность (*ÁVH*). После восстания 1956 г. здание было передано венгерскому комсомолу. В начале 2000-х гг. здание было выкуплено Фондом исследований истории и общества Восточной и Центральной Европы и реконструировано. На фасаде появился широкий козырек с выбитой на нём надписью «TERROR», который в солнечную погоду отбрасывает на стены этого здания тень со зловещими черными буквами.

Фонды и залы музея содержат экспонаты, «связанные с фашистскими и коммунистическими диктаторскими режимами в Венгрии XX века, а также мемориал жертвам этих режимов, в том числе тем, кого задержали, допрашивали, пытали и убили в здании, где

сейчас находится этот музей». Директор «Дома Трора» Марион Шмидт подчеркивает, что «музей должен *не документировать историю, но дать посетителю почувствовать и потрогать*, так сказать, материю террора. Главная задача музея – не предъявить экспонаты, а обеспечить непосредственное визуальное обращение к эмоциям» [4] (курсив мой – О. С.).

Представим мнение британского историка Марка Питтауэй (Mark Pittaway), который в рамках темы по социальной истории Венгрии XX века много лет работает в архивах венгерской госбезопасности, компартии и профсоюзов, опрашивает свидетелей: «...Наибольшую озабоченность вызывает у меня истолкование исторических событий. Прежде всего, эта *выставка уравнивает преступления нацизма и советской диктатуры*, размывает границу между ними. А для того, чтобы сделать это на венгерском материале, нужно серьезно исказить имеющиеся данные.

Конечно, можно сказать, что Венгрия попала под полный контроль нацистов только в октябре 1944 года, в результате путча «Скрещенных стрел». Но как можно пренебречь совершенными до этой даты преступлениями? И я говорю не только о депортации евреев в Освенцим, но и о политическом климате межвоенного времени, который, собственно, и подготовил эту страну к Холокосту. Антисемитское законодательство 1920, 1938 и 1941 годов даже не обсуждается в экспозиции... Вторая вещь, о которой можно говорить как о передергивании – добровольное участие Венгрии во Второй мировой войне на стороне национал-социалистической Германии. Правительство Венгрии пошло на сговор с Гитлером ради возвращения территорий, утраченных в ходе развала Австро-Венгрии. И тут я вижу совпадение двух тенденций – попытка политической реабилитации венгерского межвоенного режима в целом и его антисемитской политики в частности» [4].

На вопрос о том, насколько «Дом Трора» является *местом встречи с историей* как психологической реальностью, Марк Питтауэй ответил так: «Да, Дом террора – это не традиционный музей, он организован по образцу постмодернистских музеев Британии и США. Его можно даже назвать *лабораторией вчувствования*. Мне бы хотелось сказать тут о некоей форме западной интерпретации истории в целом, согласно которой тоталитарная природа национал-социализма и советской диктатуры, которая, если угодно, обеспечила этот проект международной легитимацией. Но я думаю, что именно этот опыт *уравнивания советского режима и национал-социализма на примере, так сказать, символического архитектурного объекта, лучше всего показывает, в чем состоит кардинальная ошибочность такого подхода*. Я думаю, происходит утрата принципиального качественного различия событий. Речь идет не о том, что советский режим лучше нацистского или наоборот. Легко сказать: и при том, и при другом режиме люди страдали, и всё. Да, люди страдали от обоих режимов, но это были различные типы диктатур, и пострадали люди от обеих этих диктатур по-разному» [4] (курсив мой – О. С.).

Третий вид войн памяти – **войны учебников истории**.

Многие ученые в России и за рубежом уже отказались от представления о том, что учебник несет школьникам некую объективную историческую истину. Напротив, они рассматривают его как социокультурный феномен, отражающий идеи, ценности и знания, *принятые в данном, конкретном обществе*. Миссия любого учебника истории направлена на то, чтобы «отделить» себя от других и таким образом формировать, развивать,

отстаивать собственную (национальную) идентичность. «В стремлении подтвердить физическую, политическую и культурную общность нации традиционно отводят основное место тому, что скрепляет их и отличает от соседей» [18, с. 101-102].

Международный опыт показывает, что учебники истории повсеместно направлены на создание коллективной национальной памяти, а конфликты вокруг них отражают стремление политиков контролировать память «своего» общества. В то же время «другие» могут почувствовать себя оскорбленными, если отношение к ним в этих учебниках покажется недостаточно уважительным и сочувствующим... Тогда научно-политические дискуссии и дебаты переходят в активные протестные действия, в которых уже участвуют широкие массы населения, в большинстве своем сами не читавшие «вредные» учебники. Современные журналисты окрестили эти конфликты «учебными войнами» или *войнами учебников истории*.

Ярким примером войны учебников истории в новейшее время стали события, начавшиеся в Сеуле в апреле 2001 г. Столица Республики Корея на несколько дней превратилась в арену антияпонских выступлений. Демонстранты жгли белые флаги с красным кругом и скандировали у стен японского посольства: «Япония, покайся!».

Незадолго до этого, 28 февраля 2001 г., Министерство иностранных дел, культуры и туризма Южной Кореи приняло решение выступить с протестом против издания в Японии «Нового учебника истории», который был подготовлен учеными, входящими в «Общество по реформе учебников истории». Общество основано в 1997 г. для «исправления нездорового характера учебников истории». Оно объединяет реваншистски настроенные круги Японии, которые стремятся пересмотреть роль Японии во Второй мировой войне и оправдать милитаристский курс страны в 1930-е гг. [[http:// homepage1.nifty.com/kyokasyo/](http://homepage1.nifty.com/kyokasyo/)].

Вслед за этим корейское правительство разработало меры, ограничивающие распространение продуктов массовой японской культуры в своей стране. В Дом правительства был вызван Чрезвычайный и Полномочный посол Японии в Корею, где ему была высказана негативная позиция корейской стороны в отношении инициативы Министерства образования Японии. Одна из крупнейших оппозиционных партий призвала бойкотировать японские товары. Группа южнокорейских историков провела в Токио многодневную голодовку. Против попыток фальсифицировать прошлое своей страны активно выступила и южнокорейская ассоциация учителей истории.

Претензии южнокорейской стороны к «Новому учебнику истории» заключались в неправильном, по ее мнению, толковании корейско-японских отношений с древнейших времен до японской колонизации Корейского полуострова в первой половине XX в. Но особо острую реакцию вызвали интерпретации и оценки японцами событий середины прошлого столетия.

Война, которую Япония развязала в 1930-е гг., названа в учебнике «Великой войной в Восточной Азии» ради создания «Великой азиатской зоны процветания». При этом практически ничего не сказано о страданиях, причиненных японской оккупацией корейскому народу, который не хочет забывать о том, что миллионы мужчин в годы Второй мировой войны были мобилизованы на трудовые работы в самой Корею, в Японии и на принадлежащем ей тогда Южном Сахалине. Не склонны современные корейцы забывать и о том, что тысячи молодых женщин и девушек стали «женщинами для удовольствий»

в императорской армии. За 35 лет оккупации Япония безжалостно грабила недра Кореи, вывозя миллионы тонн полезных ископаемых, необходимых ей для войны в Азии. Однако авторы учебника не испытывают перед корейцами чувства стыда и раскаяния.

Политические и научные круги Южной Кореи заявили, что новое учебное пособие, основанное «на имперском мировоззрении, оправдывает агрессию милитаристской Японии и искажает факты посягательства на суверенитет Кореи» [9].

Посол Южной Кореи Чхве Сан Ён неоднократно встречался с министром образования Японии Нобутака Матимурой и призывал японское правительство принять действенные меры по исправлению своих «крайне консервативных» учебников истории. Однако официальные лица Японии заявили, что новый учебник прошел государственную аттестацию в Министерстве образования и в следующем учебном году должен быть введен в средние школы. В этой связи у правительства Японии «не было другого выбора, кроме как постараться разъяснить южнокорейской стороне свои действия». Столь твердая позиция правительства Японии вынудила южнокорейского президента отозвать своего посла из Токио «для консультаций». Акция дипломатического протеста продолжалась 9 дней ...

В середине 2000-х гг. «боевые действия» на азиатских фронтах войны учебников истории вспыхнули с новой силой. После событий 2001 г. японское правительство потребовало исправить в «Новом учебнике...» более ста «уточнений» (термин японцев в отношении критических замечаний и протестов их стран-соседей – О. С.). Но все равно бывшие жертвы японской оккупации считают, что учебники, подготовленные националистически настроенными историками из «Общества по реформе учебника истории», по-прежнему оправдывают и прославляют преступное прошлое Японии.

«Этих поправок явно недостаточно, – заявил премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи. – Причем от того, насколько близки к истине будут школьные учебники, зависит развитие отношений между Японией и азиатскими странами из поколения в поколение». Китайское агентство Синьхуа выразилось еще резче: «Горстка ультраправых шовинистов все еще пытается пересмотреть приговор истории, вынесенный японским агрессорам» [15]. На накал страстей ни в Корее, ни в Китае не повлиял тот факт, что в 2006 г. менее 0,1% японских школ выбрали эти учебники для работы [28].

Причиной массовых беспорядков, возникших в десятых числах апреля 2005 г. в Шэньчжэне, Гуанчжоу, Шанхае и многих других городах Китая, стало, в том числе, всё то же решение Токио утвердить учебники истории реваншистского толка. Пекин осудил это решение как «яд» для умов молодых японцев.

Тысячи китайцев провели митинги у японского посольства в Пекине, кидали яйца, громили витрины японских универмагов и ресторанов, требуя бойкота японских товаров и недопущения Японии в члены Совета Безопасности. Власти Токио потребовали от Пекина извинений за причиненный ущерб и лучшей защиты своих граждан и собственности от возмущенной толпы. Однако внешнеполитическое ведомство КНР заявило, что не собирается приносить подобных извинений. К середине апреля премьер-министр Японии Дзюнитиро Коидзуми заявил, что если его предстоящая в скором времени встреча с председателем КНР Ху Цзиньтао обернется обменом жесткой риторикой, то тогда этой встрече лучше не состояться.

Одной из самых сильных претензий китайцев к учебникам Японии было официальное отрицание ими событий, случившихся в декабре 1937 г. в Нанкине. Многие японцы предпочитают верить, что творившиеся там зверства были «выдумкой», раздутой мстительными западными державами. Когда под дипломатическим давлением чиновники от образования были вынуждены включить Нанкин в тексты учебников, они сделали все возможное, чтобы преуменьшить размеры «Нанкинской бойни». Например, была издана директива, требовавшая исключения из учебных текстов любых упоминаний о количестве китайцев, уничтоженных японскими войсками в г. Нанкин.

Ко всему, что связано с оценками своего прошлого и школьными учебниками истории, сами японцы относятся неоднозначно. По свидетельству Вс. Овчинникова, профессор Сабуро Иенага, автор книги «Новая история Японии» для старшеклассников, еще в середине 1970-х гг. подал в суд на Министерство образования за то, что оно вносит в учебные тексты все новые поправки. Их суть – постепенный отход от оценки минувшей войны как преступного акта со стороны тогдашних милитаристски настроенных правителей Японии. Эта линия просматривается даже в замене иллюстраций учебников. Например, в разделе «Война и жизнь населения» вместо женщин, томящихся в очереди за продовольственным пайком, появилась фотография премьер-министра Тодзио, который отечески утешает детей павших воинов.

Иным в новых учебниках стало разъяснение девятой статьи послевоенной конституции. Раньше в ней говорилось: «Нынешняя японская конституция провозглашает, что Япония навечно отказывается от войны как средства разрешения международных споров». Вместо этого теперь в учебнике написано: «Конституция гласит, что, желая всеобщего мира, Япония не будет вести войн, приносящих народу несчастья».

Однако в научных кругах Японии набирает силу и диаметрально противоположная тенденция. Шовинистически настроенные члены «Общества по реформе учебников истории» утверждают, будто Японии пора отказаться от «мазохистского подхода» к своей роли накануне и во время Второй мировой войны, от «истории, сфабрикованной победителями». Такие члены «Общества...», как профессора Токийского университета Нобукацу Фудзиока и Тадае Такубо, считают, что «каждая страна вправе по-своему интерпретировать собственную историю и какое-либо вмешательство извне тут недопустимо».

Причины раскола современного японского общества связаны с тем, что в последние десятилетия в стране нарастает новая волна национализма и нежелания признавать ответственность за события в Азии в 1930-е – 1945 гг. С 1958 г., когда Министерство образования Японии обрело право «проверять» учебники, власти страны и правящая Либерально-демократическая партия занялись пересмотром школьных курсов истории. С тех пор историки и чиновники ведут между собой непрерывные споры о цензурстве и «правильной» интерпретации национальной истории. «Поле битвы за прошлое» становится молодое поколение, а также учебники, по которым они изучают историю Японии.

Примечательно, что в то самое время, когда разгоралась война учебников истории между Японией, Южной Кореей и Китаем, другая группа японских политиков и ученых, входивших в Международное общество информации в сфере образования (ISEI), обратилась в Совет Европы с предложением провести двусторонние встречи японских и российских ди-

дактов-историков для обсуждения проблемы: какие образы России и Японии формируют школьные учебники стран-соседей? Японская сторона проявила эту инициативу, узнав о том, что в Хабаровске под эгидой Совета Европы в сентябре 1998 г. состоялся Международный семинар «Преподавание истории в поликультурном обществе и пограничных территориях».

Кульминацией трехлетнего проекта стала конференция экспертов в области исторического образования и учебной литературы из России, Японии и Совета Европы, прошедшая в Токио в октябре 2000 г. Мой доклад «История Японии в школьных учебниках России» [19], основанный на анализе двух десятков российских учебников по всеобщей и отечественной истории, подводил к выводам:

- образ Японии формируется преимущественно на фактах политической и военной истории;

- в новейшее время страна представлена в образе «беспокойного» соседа России, ее соперницы в борьбе за сферы влияния в дальневосточном регионе в течение всего XX столетия;

- этот образ не гармонирует с более позитивным представлением о Японии, которое формируется у школьников в курсе всеобщей истории на материалах о реформе Мэйдзи, экономических успехах Страны Восходящего солнца и ее культурных сокровищах.

В свою очередь японские историки и дидакты на конференции в Токио рассказали, как история России представлена в учебниках Японии [23].

С российской стороны реальные шаги по корректировке образа Японии были приняты только на региональном уровне. В Хабаровском крае в 2003 г. было опубликовано пособие «История Дальнего Востока в эпоху средневековья» [24], а в Приморском крае в рамках проекта «История и культура стран АТР» вышло пособие «История и культура Японии в документах и иллюстрациях» [25], частично профинансированное японской стороной и поддержанное документами и иллюстрациями из архивов Японии.

К сожалению, на этом российско-японское сотрудничество в сфере исторического образования было приостановлено, хотя поводы для претензий стран-соседей к школьным учебникам друг друга остаются...

В частности, весной 2011 г. международные обозреватели обратили внимание на относительно «мягкую реакцию» внешнеполитического ведомства России на новые японские учебники истории, географии и обществознания, где школьников учат тому, что южная часть Курильских островов – это территория Японии, «незаконно оккупированная» СССР после Второй мировой войны. Российский МИД всего лишь «обратил внимание» на новые учебники, утвержденные японским Министерством образования для средних школ. В комментарии на сайте МИД России указывается, что южные Курилы закреплены за Россией тремя договорами: Крымским соглашением трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г., Потсдамской декларацией и Мирным договором, подписанным в Сан-Франциско в 1951 г. МИД РФ сожалеет «по поводу того, в каком недружественном духе в Токио продолжают формировать у подрастающего поколения отношение к соседнему государству» [26, http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/04/110405_russia_japan_schoolbooks.shtml].

В названных учебниках к Японии приписаны не только южные Курилы, но также территории, принадлежащие Китаю и Южной Корее. Со своей стороны МИД КНР сделал Японии «серьезное предупреждение» за «необоснованные претензии» на острова Дзяюйдао

(в японском варианте – Сёнкаку), содержащиеся в тексте и на картах учебных пособий. «Притязания японских реакционеров» на «исконно корейские» земли осудило даже государственное информационное агентство КНДР, причем в его заявлении говорится об обобщенной «Корее», без разделения на Южную и Северную [28].

На другом краю необъятной страны МИД России в настоящее время поддерживает двухсторонний проект с Украиной по подготовке совместного учебника истории. Глава ведомства С. Лавров заявил: «По понятным причинам это весьма непросто – националистические настроения так или иначе пробиваются. Стремление чуть-чуть иначе изложить совместную историю в *части, которая касается их, у наших партнеров присутствует*» (а в части, которая касается нас, насколько непредвзяты российские авторы? – О. С.). «Вообще, считаем, что этим должны заниматься не политики, а историки, – продолжил министр. – Мы выступаем за создание совместных комиссий историков. Уже сформированы такие комиссии с польскими, латышскими, литовскими и немецкими историками. Договариваемся о создании такой комиссии с Японией» [27, <http://er.ru/news/2011/9/21/rossiya-i-ukraina-razrabatyvayut-obshij-uchebnik-istorii-lavrov/>].

Судя по всему, наша страна не втянется в пучину войн учебников истории, а проблемы, связанные с интерпретациями и оценками совместного прошлого в учебниках стран бывшего СССР и социалистического лагеря останутся сферой, главным образом, исторических и педагогических дискуссий. Хотя в последние десять лет, по словам ученых, условия для историописания на постсоветском пространстве усложнились, а «ведущая роль в создании национальных историй перешла к политической элите, заинтересованной в инструментализации прошлого для реализации определенных политических целей, в том числе укрепления независимого статуса новых государственных образований» [14, с. 11].

Где, по мнению политологов, скандал с учебниками, подобный случившемуся в Азии, уже невозможен, – так это в Европе. Работу по выявлению пристрастий и предубеждений в содержании школьного исторического образования Совет Европы начал с момента своего создания. В 1950-х гг. была проведена экспертиза 2000 учебников истории из стран Западной Европы. Эксперты отметили присущую им «национальную» интерпретацию прошлого и стремление авторов особо выделять достижения собственных народов, умаляя значимость других.

Так, например, французские и английские историки придавали значение победам только собственных армий в Столетней войне и колониальных войнах XVIII в. Они также подчеркивали исключительную роль «своих» народов в становлении демократии и парламентаризма, вклад «своих» инженеров и изобретателей в европейскую промышленную революцию и т.п.

В 1990-е гг. национальных предубеждений в европейских учебниках стало меньше. В 1992 г. впервые 12 историков из 12 европейских стран подготовили *общий* учебник по истории Европы. Главной целью его создания была не пропаганда идеи общеевропейской интеграции, а устранение традиционных ошибок и предубеждений. По мнению Президента Европейской ассоциации учителей истории (ЕВРОКЛИО) Й. ван дер Лееув-Рурд, «эта книга в основном о западноевропейской истории и, конечно же, она не может быть названа европейской историей... «Национальные зеркала боли» (т.е. национальные

интерпретации прошлого – О. С.) были усилены при переводе этой книги на европейские языки. Издатели изменяли слова и предложения, чтобы в *общеевропейском учебнике* продемонстрировать свою *национальную точку зрения*» [10, с. 34–44].

Более успешно в современной Европе разрабатываются двух- и многосторонние проекты по созданию общих учебников для стран с неоднозначным совместным прошлым: Германия и Франция, Польша и Германия и т.п.

Значительную поддержку им оказывает Международный Институт по исследованию учебников им. Г. Эккерта¹, созданный в Германии после Второй мировой войны. В его фондах собрано более 130 тысяч учебников из 90 стран мира, в том числе по истории, социальным наукам и географии. Эти учебные предметы активнее других влияют на формирование у школьников ценностных представлений о «своих» и «других», поэтому находятся в «зоне особого внимания» ученых всего мира.

Какие вызовы несут войны памяти историческому образованию школьников? На что обратить внимание разработчикам учебно-методических комплексов по истории России и зарубежных стран?

Во-первых, как феномены новейшей истории, войны памяти во всем своем разнообразии стали нашей реальностью, а, значит, они являются потенциальными и актуальными объектами изучения в курсах отечественной и всеобщей истории новейшего времени.

Во-вторых, они могут внести существенные коррективы в ценностно-целевые установки школьных курсов, с новых сторон раскрывая связи между прошлым и настоящим, роль истории в современном обществе и политике и, тем самым, усиливая личностно-ориентированный характер исторического образования молодежи.

В-третьих, войны памяти требуют более четкого и взвешенного педагогического подхода к отбору и использованию в образовательном процессе различного рода иллюстраций, источников и, шире – «мест памяти». Фотографии памятников и мемориальных мест, музейные экспозиции и выставки, наконец, огромный и разношерстный ассортимент историко-просветительских сайтов и порталов требуют комплексной атрибуции «носителей памяти», условий их создания и предъявления обществу, а на этой основе – уже критического и праксеологического (оценка образовательного потенциала) исследования прежде, чем они будут опубликованы в учебниках и других ресурсах УМК.

В-четвертых, войны памяти активизируют проблему перехода российской системы гуманитарного образования к деятельностной парадигме. Когда «бои за Историю», а значит, бои за память и сознание молодых людей приобретают все более утонченные формы, растет в цене не объем учебной информации, а умения ориентироваться в ее круговоротах и не становиться жертвами манипуляций. Следовательно, учебники и другие ресурсы УМК должны решительнее переходить от информационных к исследовательским моделям учебных пособий.

В-пятых, войны памяти, во всем их видовом и фактографическом многообразии, существенно расширяют тематику и источниковую базу познавательных заданий, проектов,

¹ www.gei.de – сайт Института им. Г. Эккерта.

направлений внеурочной деятельности школьников, научно-исследовательской работы студентов исторических факультетов и творческой деятельности преподавателей истории.

В-шестых, войны учебников истории выявляют потребность в международной педагогической экспертизе этого рода литературы, где главными являются критерии уважительного отношения к прошлому народов зарубежных стран, корректные образы «других», намерения понять чувства и интересы сторон, представляющих иные интерпретации и оценки конфликтных страниц совместного прошлого, установка на диалог для превращения учебников истории в «инструменты предотвращения преступлений против человечества» (Совет Европы. Цели изучения истории в 21 веке).

На последнем этапе работы над этой статьей я встретила еще один новый термин – «войны документов». Это значит, что педагогическая тема «войн памяти в современном мире» еще далеко не исчерпана.

Список литературы:

1. Бордюгов, Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Г. А. Бордюгов. – М.: АИРО-XX, 2010.
2. Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. – М. АИРО-XX, 2011.
3. Вяземский, Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования : [Электронный журнал]. – 2011. – № 6. – Режим доступа: www.pmedu.ru.
4. Гусейнов, Г. «Дом террора» в Будапеште / Г. Гусейнов // Страницы истории. – 2002. – 2 апр. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,489185,00.html>.
5. Дом Террора [Электронный ресурс] : сайт музея в г. Будапешт, Венгрия. – Режим доступа: <http://www.terrorhaza.hu>.
6. Дарсавелидзе, Н. Новые памятники в центре и на окраинах Москвы / Н. Дарсавелидзе // Отечественные записки. – 2008. – № 4.
7. Иванов, А. Учебная война на Дальнем Востоке / А. Иванов // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. – 2001. – 17 апр.
8. Иванов, А. Идет война учебная / А. Иванов // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. – 2001 – 18 сент.
9. Иванов, А. Чьи взгляды отстаивают ученые: о проблеме интерпретации истории Кореи в японских учебниках / А. Иванов // Приамурские ведомости. – 2002. – 11 сент.
10. История для завтрашнего дня (современная реформа школьного исторического образования в России) / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова, В. И. Уколова. – М., 1999.
11. История и память / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006.
12. Коненков, С. Мой век / С. Коненков. – М., 1971.
13. Лю, В. Уроки истории для Девяти Драконов и Восходящего Солнца / В. Лю // Сервер «Заграница» при библиотеке Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://world.lib.ru>.

14. Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М., 2010.
15. *Овчинников, В.* Кто в Японии выдирает страницы из школьных учебников истории / В. Овчинников // Архив сайта Российской газеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/anons/arc_2001/0523/5.shtm.
16. Памятники революционной России / авт.-сост. А. Павлюченков. – М., 1986.
17. Преподавание истории в поликультурном обществе и пограничных территориях : материалы международн. семинара / ред. Т. Д. Минкина-Милко, О. Ю. Стрелова. – Хабаровск, 1998.
18. *Соколова, М. В.* Историческая память и школьный учебник / М. В. Соколова // Дидактика истории и обществознания: от школы к университету. Вып. 2. Школьный учебник истории: сборник науч.-методич. работ / под ред. проф. А. Б. Соколова. – Ярославль, 2010.
19. *Стрелова, О. Ю.* История Японии в наших учебниках / О. Ю. Стрелова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001 – № 2.
20. *Сундиева, А. А.* [Отклик на доклад В. П. Козлова «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти» в рамках дискуссии] // Портал «Архивы России» [Электронный ресурс] / Федеральное архивное агентство. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru>.
21. *Федорчук, С. П.* Чужая память / С. П. Федорчук. – Ю.-Сахалинск, 2008.
22. Японские памятники на Сахалине могут привлечь туристов : [новость от 30 июня 2005] // sakhalin.info [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakhalin.info>.
23. *Мазуров И. В.* Россия и Япония в учебниках стран-соседей / И. В. Мазуров // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2006. – № 2.
24. История Дальнего Востока: эпоха средневековья: учеб. пособие для 6–7 кл. – Хабаровск, 2003.
25. История и культура Японии в документах и иллюстрациях: учеб. пособие для учащихся старших классов. – Владивосток, 2003.
26. BBC. Русская служба. – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/russian>.
27. Единая Россия: официальный сайт партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru>.
28. Japan history texts anger E Asia // BBC-New. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4411771.stm>.